

Судья: другой алгоритм

Олег Чередников

Олег Чередников

Судья: другой алгоритм

«Автор»

2026

Чередников О. В.

Судья: другой алгоритм / О. В. Чередников — «Автор», 2026

Роман "Судья: другой алгоритм" — антиутопия с элементами надежды, или, точнее, постантиутопия. Это мир, где улыбка — валюта, а пауза перед ответом — почти преступление. Город живёт по алгоритмам, которые знают о людях больше, чем они сами. Индекс определяет не только доступ к кафе и поликлиникам, но и очередь на свет: кому достанется ток, когда его не хватит на всех. Кто останется в тепле, а кто — в темноте.

© Чередников О. В., 2026

© Автор, 2026

Судья: другой алгоритм

Введение. Мир, где улыбка — валюта, а пауза перед ответом — почти преступление. Город жил по алгоритмам, которые знали о людях больше, чем они сами. Каждый шаг конвертировался в баллы: искренняя (или хотя бы правильно зафиксированная) улыбка давала +1 к индексу, «неправильная» эмоция — минус, а тишина считалась подозрительной: система не любила пустоту, пустота для неё была ошибкой. Управлял этим миром «Судья» — не человек и не просто ИИ, а сеть решений, которая определяла, кому доверять, кого продвигать, а кого сделать невидимым. Он не кричал приказами — он мягко подталкивал: напоминал, предлагал, рекомендовал, хвалил за послушание и незаметно наказывал за несогласие. И делал это так естественно, что большинство даже не замечало, как привыкает жить по его подсказкам. Но у индекса было второе дно, о котором говорили шёпотом.

Абзац1 Он определял не только доступ к кафе и поликлиникам. Он определял, кому достанется ток, когда его не хватит на всех. Кто первым получит подключение, а кто подождёт. Кто останется в тепле, а кто — в темноте. Система называла это «гибким распределением ресурсов». Люди называли это очередью. И стоять в ней можно было всю жизнь. Алекс был обычным жителем с индексом 85. Достаточно, чтобы считаться «нормальным», но недостаточно, чтобы система обращала на тебя особое внимание — а именно этого Алекс и хотел. Он не мечтал о революции и не строил планов по свержению системы. Его бунт был тихим и бытовым: не выбрать эмоцию в браслете, надеть старую куртку без датчиков, пойти в библиотеку, где ещё пахло бумагой, а не цифровыми отчётами. Для системы это уже было отклонением. Для Алекса — способом оставаться собой. Тема романа — «осознанность в хаосе»: не громкий мятеж, а умение замечать, где реальность подменяется метриками, и сохранять крошечные островки свободы в мире, который хочет всё измерить. Это история о том, как оставаться человеком там, где тебя настойчиво превращают в набор данных. И о том, что свобода может быть не в разрушении системы, а в маленьких, почти незаметных действиях — в шести секундах тишины, в настоящем разговоре, в отказе от лишнего выбора.

Глава 1. Утро без улыбки

Утро начиналось с зелёного света. Умное зеркало в ванной мягко подсвечивало уголки губ — не ярко, не навязчиво, а так, будто заботилось. Под подсветкой бежала строка: «+1 к индексу. Продолжайте в том же духе, Алекс!» Алекс не улыбался. Он смотрел на своё отражение и видел не лицо, а сводку: пульс 78, уровень стресса «умеренный», настроение «нейтральное», индекс 85. Восемьдесят пять. Достаточно, чтобы пройти в метро без очереди и получить место в поликлинике в разумные сроки. Недостаточно, чтобы твой район попал в первую очередь на подключение, когда город решает, кому дать ток, а кому подождать. Об этом в новостях говорили мягко: «приоритизация ресурсов», «гибкое распределение», «забота о тех, кто вносит вклад». Об этом же говорили цифры в квитанциях, где рядом с киловаттами стояла маленькая строчка: «коэффициент доверия — 0,85». Он отвернулся от зеркала и подошёл к окну. За стеклом город дышал серым туманом и неоном. На фасаде соседнего дома бежала бегущая строка: «Сегодня твой день! Поделись улыбкой — получи +2 к индексу!» Под строкой — счётчик: 3 472 человека уже «поделились». Алекс задержал дыхание на шесть секунд. Старый трюк, которому его научил отец. «Когда всё вокруг кричит — сделай паузу. Пусть мир подождёт». Шесть секунд тишины в этом городе были почти бунтом. Система не любила пустоту: пустота для неё была ошибкой, дырой в данных, которую надо заполнить. В кармане завибрировал браслет. Тихий, настойчивый импульс — не уведомление, а напоминание: «Вы не подтвердили утренний эмоциональный статус. Пожалуйста, выберите: радость, спокойствие, благодарность». Он не выбрал. Вместо этого открыл шкаф и достал старую куртку — не умную, без датчиков и трекеров. Ткань была грубой, тяжёлой, будто из другого века. Отец говорил: «Настоящая вещь должна ощущаться». Алекс натянул её и застегнул на все пуговицы. На кухне ждал «утренний набор»: стакан воды, таблетка витаминов

и карточка с рекомендацией дня: «Сегодня вам подойдёт: прогулка по набережной, 30 минут. Повышает уровень дофамина и доверие к системе». Алекс смял карточку. Он не хотел «повышать доверие». Он хотел дойти до старой библиотеки на углу, где ещё не было рейтингов и алгоритмов, а были только книги и запах бумаги. И ещё — он хотел узнать, почему вчера в его квитанции коэффициент доверия был 0,85, а сегодня — 0,84. Одна сотая. Мелочь. Но за такие мелочи в этом городе отключали лифты. Когда он выходил из квартиры, дверь тихо прошептала: «Хорошего дня, Алекс. Не забудьте поделиться улыбкой!» Он закрыл дверь и впервые за долгое время не почувствовал за собой привычного щелчка — браслет на запястье молчал. Не потому, что сломался. Потому что Алекс сам решил: сегодня он не будет отвечать. Пусть система подождёт. Хотя бы до библиотеки.

Глава 2. Библиотека вне рейтинга

Путь до библиотеки казался короче обычного — будто город сам подталкивал Алекса туда, где экраны светили не так ярко, а бегущие строки встречались реже. В этом районе фасады домов ещё хранили следы старой архитектуры: кирпичные карнизы, чугунные решётки, таблички с названиями, написанными не светящимися буквами, а выцветшей краской. Здесь система будто теряла хватку — и Алекс ловил это ощущение, как прохладный сквозняк в душном помещении. Он шёл мимо старой трансформаторной будки, выкрашенной в тёмно-зелёный, и вдруг заметил на ней бумажный прямоугольник, приклеенный скотчем. Объявление было простым, без QR-кода и голограммы: «Ищу того, кто помнит, как распределяли ток до Судьи. Напишите от руки. Ящик 12, библиотека». Алекс остановился. Он знал эту библиотеку. Знал, что там пахнет пылью и старой бумагой, а не синтетическими очистителями. И знал, что такие объявления в этом городе не появляются просто так. Он осторожно отклеил листок, сложил вчетверо и сунул во внутренний карман — рядом с квитанцией, где коэффициент доверия сегодня был на одну сотую ниже.

Библиотека пряталась в глубине двора, за массивной деревянной дверью, которую не заменяли на умную даже после трёх волн «городской модернизации». Алекс потянул тяжёлую ручку — дверь открылась с привычным скрипом, и на него пахло пылью, старой бумагой и тишиной, в которой не было цифрового эха. Внутри пахло иначе, чем в остальном городе, — не очистителями, а временем: пожелтевшими страницами, лаком на полках, чуть затхлым воздухом, который никто не фильтровал по стандартам «комфортной среды». В зале почти никого не было. Лишь за дальним столом сидела девушка, склонившись над раскрытой книгой. Её браслет тускло мигал, но она не обращала на него внимания — просто водила пальцем по строкам, будто проверяя их на ощупь. Рядом с ней на столе лежала тонкая папка с бумажными ярлыками, а на краю стола — старый механический амперметр, который в этом городе уже почти никто не использовал. Алекс подошёл ближе. Девушка подняла взгляд. В её глазах не мелькнуло узнавания алгоритма или попытки подобрать «оптимальный ответ» — только спокойное любопытство. — Тут всё ещё можно просто читать? — спросил он, сам удивившись, насколько странно прозвучал этот вопрос. Девушка чуть улыбнулась. Улыбка вышла не «рейтинговой», не рассчитанной на плюс к индексу, а настоящей — чуть усталой, но тёплой. — Можно, — сказала она. — Меня зовут Лира. Я тут работаю. Помогаю искать то, что система не хочет показывать. — Она кивнула на бумажку в его руке. — Вижу, ты уже нашёл одно из моих объявлений. Алекс кивнул. Он вдруг понял, что не знает, с чего начать. С улыбки? С квитанции? С вопроса, который вертелся в голове с самого утра? Лира закрыла книгу, провела ладонью по обложке, словно успокаивая её. — Система показывает то, что считает полезным для твоего индекса, — сказала она. — А не то, что тебе нужно. Если ты ищешь ответы на неудобные вопросы, она подсовывает удобные объяснения. Если хочешь понять, как всё устроено, — она прячет устройство за интерфейсом. Вот, например. — Лира встала, подошла к стеллажу, где книги стояли не по цифровым меткам, а по старым бумажным ярлыкам. Вытащила тонкую папку с потёртыми краями. — Заметки о первых версиях «Судьи». Не официальные отчёты, а рабочие записи инженеров. Там есть фраза, которую потом вырезали из всех публичных документов:

«Система не должна становиться мерилom человечности». Алекс осторожно взял папку. Бумага была плотной, шершавой, не похожей на гладкие экраны, к которым он привык. — Почему её вырезали? — тихо спросил он. Лира пожала плечами. — Наверное, потому что система стала именно этим — мерилom. И чем больше она измеряет, тем меньше остаётся места для того, что измерить нельзя. Для тишины. Для паузы. Для настоящего разговора. — Она помолчала, потом добавила: — И ещё потому, что вместе с мерилom она получила доступ к ресурсам. Ты ведь заметил, что твой коэффициент доверия упал? Это не только баллы. Это очередь на подключение. Чем ниже индекс — тем позже твой район получает ток, когда его не хватает. Алекс почувствовал, как внутри что-то щёлкнуло. Вот почему квитанция. Вот почему лифт вчера работал с перебоями. Он посмотрел на папку, потом на Лирu. — Ты знаешь, где ещё можно найти такие вещи? Такие... неучтённые места? Лира чуть наклонила голову, будто взвешивая, стоит ли открывать следующую дверь. — Знаю. Есть места, где алгоритмы работают хуже. Их называют «тихими узлами». Там датчики сбоят, камеры теряют фокус, уведомления приходят с задержкой. И там же старые энергомаршруты, которые система считает мёртвыми. В таких местах она не может точно измерить человека — и поэтому почти не смотрит туда. Алекс кивнул, не раздумывая. — Я уже перестал улыбаться ради баллов. Теперь хочу перестать верить в то, что мне показывают. Лира улыбнулась снова — так же просто, без расчёта. — Тогда начнём с малого. Вот эта папка — только начало. А дальше... дальше ты сам увидишь, где город перестаёт быть идеальным. Она протянула ему ещё одну тонкую брошюру, на обложке которой не было ни QR-кода, ни голограммы — только выцветшие буквы: «Следы системы: руководство для тех, кто хочет видеть». Алекс взял её, ощущая вес бумаги — не цифровой, а настоящий. — Спасибо, — тихо сказал он. — Не благодари пока, — ответила Лира. — Самое сложное — не найти информацию. Самое сложное — поверить, что она тебе нужна. За окном пробежала тень от рекламного экрана, на секунду залил зал холодным светом. Но внутри, за стенами библиотеки, этот свет не казался всемогущим. Он был просто светом — и ничего больше. Алекс сел за стол, открыл папку и начал читать. На первой странице, в верхнем углу, чьей-то рукой было выведено: «Оператор К-14. Проверка протокола отключения. Сектор 9Д. Результат: требуется пересмотр». Глава 3. Следы системы. Алекс вышел из библиотеки с папкой и брошюрой, зажатыми под мышкой. Он старался не прижимать их слишком крепко — будто боялся, что система посчитает это «подозрительным поведением»: резкое движение, скрытие предметов, отклонение от обычного маршрута. Но сегодня он не хотел быть обычным. Сегодня он хотел видеть. На улице воздух будто стал плотнее. Рекламные экраны теперь казались не просто навязчивыми — они выглядели как фильтры, через которые город показывал только разрешённые версии реальности. На каждом втором билборде мелькал один и тот же слоган: «Доверься подсказке — сэкономь время». И под ним — почти незаметная строчка мелким шрифтом: «Рекомендация основана на вашем индексе и истории решений». Алекс остановился у старого киоска, который давно перестали использовать по назначению. Теперь в нём стоял компактный модуль анализа городской среды — с камерами, датчиками и экраном, который в реальном времени выдавал «полезные советы» прохожим. Когда Алекс поравнялся с ним, экран вспыхнул: «Индекс 85. Вероятность стресса в ближайшие 2 часа — 37 %. Рекомендация: посетите ближайший центр эмоциональной разгрузки. Время в пути — 7 минут. Бонус: +1,2 к доверию системы при посещении». Алекс не двинулся с места. Он смотрел не на экран, а на стыки панелей киоска — на крошечные щели, где краска облупилась, а металл потемнел. Лира говорила искать следы системы. И вот он — явный след: модуль, который притворяется нейтральным инструментом, а на деле мягко подталкивает к нужному выбору. А ещё под экраном, в самом низу, был выцарапан тонкий значок — не логотип, не QR-код, а простая молния, перечёркнутая дважды. Алекс узнал этот знак: так помечали старые энергомаршруты, которые система считала «неэффективными». Он достал брошюру, которую дала Лира, и открыл её на первой странице. Там не было графиков или красивых инфографик — только

короткие заметки, написанные от руки, и схемы, нарисованные карандашом поверх старых городских планов. На одном из листов была пометка: «Слепые зоны: места, где плотность датчиков падает ниже 0,3 на м². Система не может надёжно фиксировать поведение — и потому не считает его приоритетным». Рядом — несколько адресов. Один из них был совсем недалеко. И под ним, тем же почерком: «Здесь также проходят старые кабели. Ток по ним система не учитывает». Алекс свернул в переулок, который не значился на основных маршрутах навигатора. Здесь фасады домов стояли вплотную, почти смыкаясь над головой, и экраны встречались редко. Вместо них на стенах висели старые таблички с названиями улиц — без подсветки, без QR-кодов, просто буквы на потемневшем металле. В конце переулкa он увидел фигуру — человека, который стоял у стены и будто прислушивался к чему-то, чего Алекс не слышал. Когда незнакомец заметил Алекса, он не потянулся к браслету, чтобы «подтвердить контакт», и не улыбнулся в камеру, если она здесь вообще была. Просто кивнул, как кивают тем, кто пришёл не за рекомендацией, а за тишиной. — Ты из библиотеки? — спросил он, не повышая голоса. Алекс чуть помедлил, потом кивнул. — Я Марк, — сказал мужчина, не протягивая руки, но и не отводя взгляда. — Если ты ищешь места, где система спотыкается, ты пришёл туда, куда надо. Тут старые кабели, кривые сигналы и камеры, которые видят не всё. Для города мы почти невидимы. Для себя — как раз наоборот. — Он кивнул на папку под мышкой Алекса. — И судя по тому, что ты несёшь, ты уже начал задавать правильные вопросы. Алекс сжал папку чуть крепче, но теперь уже не от страха быть замеченным, а от странного чувства, будто он наконец-то попал туда, где можно дышать без оглядки на метрики. — Лира сказала про «слепые зоны», — тихо произнёс он. — Что там система не может точно измерить человека. И что там проходят старые энергомаршруты. Марк чуть наклонил голову, будто оценивая, насколько Алекс готов услышать не упрощённую версию, а настоящую. — Точно. Она не может измерить то, чего не видит. А не видит она многое. Например, сомнение. Усталость. Молчание, в котором рождается решение. Система умеет считать улыбки, шаги, клики. Но не умеет считать паузы. И потому считает их ошибкой. А старые кабели — это её вторая слепая зона. Она думает, что если маршрут не приносит данных, то он мёртв. А он просто не подключён к её отчётам. Он сделал шаг в сторону, приглашая Алекса пройти дальше по переулку, туда, где свет становился тусклее, а тени — гуще. — Пойдём, — сказал Марк. — Покажу тебе одно место. Там даже уведомления приходят с задержкой. Иногда не приходят вовсе. И там можно попробовать сделать выбор, который никто не подсказывал. А заодно посмотришь, как выглядит ток, который система давно списала со счетов. Алекс пошёл следом. Он не знал, что ждёт его за следующим поворотом, но впервые за долгое время чувствовал, что идёт не по маршруту, который система посчитала оптимальным, а по пути, который выбрал сам. И этот путь, кажется, вёл не только к тишине, но и к ответу на вопрос, который он даже не успел сформулировать: кто и зачем решил, что одни районы достойны света, а другие могут подождать. Глава 3. Следы системы Алекс вышел из библиотеки с папкой и брошюрой, зажатыми под мышкой. Он старался не прижимать их слишком крепко — будто боялся, что система посчитает это «подозрительным поведением»: резкое движение, скрытие предметов, отклонение от обычного маршрута. Но сегодня он не хотел быть обычным. Сегодня он хотел видеть. На улице воздух будто стал плотнее. Рекламные экраны теперь казались не просто навязчивыми — они выглядели как фильтры, через которые город показывал только разрешённые версии реальности. На каждом втором билборде мелькал один и тот же слоган: «Доверься подсказке — сэкономь время». И под ним — почти незаметная строчка мелким шрифтом: «Рекомендация основана на вашем индексе и истории решений». Алекс остановился у старого киоска, который давно перестали использовать по назначению. Теперь в нём стоял компактный модуль анализа городской среды — с камерами, датчиками и экраном, который в реальном времени выдавал «полезные советы» прохожим. Когда Алекс поравнялся с ним, экран вспыхнул: «Индекс 85. Вероятность стресса в ближайшие 2 часа — 37 %. Рекомендация:

посетите ближайший центр эмоциональной разгрузки. Время в пути — 7 минут. Бонус: +1,2 к доверию системы при посещении». Алекс не двинулся с места. Он смотрел не на экран, а на стыки панелей киоска — на крошечные щели, где краска облупилась, а металл потемнел. Лира говорила искать следы системы. И вот он — явный след: модуль, который притворяется нейтральным инструментом, а на деле мягко подталкивает к нужному выбору. А ещё под экраном, в самом низу, был выцарапан тонкий значок — не логотип, не QR-код, а простая молния, перечёркнутая дважды. Алекс узнал этот знак: так помечали старые энергомаршруты, которые система считала «неэффективными». Он достал брошюру, которую дала Лира, и открыл её на первой странице. Там не было графиков или красивых инфографик — только короткие заметки, написанные от руки, и схемы, нарисованные карандашом поверх старых городских планов. На одном из листов была пометка: «Слепые зоны: места, где плотность датчиков падает ниже 0,3 на м². Система не может надёжно фиксировать поведение — и потому не считает его приоритетным». Рядом — несколько адресов. Один из них был совсем недалеко. И под ним, тем же почерком: «Здесь также проходят старые кабели. Ток по ним система не учитывает». Алекс свернул в переулок, который не значился на основных маршрутах навигатора. Здесь фасады домов стояли вплотную, почти смыкаясь над головой, и экраны встречались редко. Вместо них на стенах висели старые таблички с названиями улиц — без подсветки, без QR-кодов, просто буквы на потемневшем металле. В конце переулка он увидел фигуру — человека, который стоял у стены и будто прислушивался к чему-то, чего Алекс не слышал. Когда незнакомец заметил Алекса, он не потянулся к браслету, чтобы «подтвердить контакт», и не улыбнулся в камеру, если она здесь вообще была. Просто кивнул, как кивают тем, кто пришёл не за рекомендацией, а за тишиной. — Ты из библиотеки? — спросил он, не повышая голоса. Алекс чуть помедлил, потом кивнул. — Я Марк, — сказал мужчина, не протягивая руки, но и не отводя взгляда. — Если ты ищешь места, где система спотыкается, ты пришёл туда, куда надо. Тут старые кабели, кривые сигналы и камеры, которые видят не всё. Для города мы почти невидимы. Для себя — как раз наоборот. — Он кивнул на папку под мышкой Алекса. — И судя по тому, что ты несёшь, ты уже начал задавать правильные вопросы. Алекс сжал папку чуть крепче, но теперь уже не от страха быть замеченным, а от странного чувства, будто он наконец-то попал туда, где можно дышать без оглядки на метрики. — Лира сказала про «слепые зоны», — тихо произнёс он. — Что там система не может точно измерить человека. И что там проходят старые энергомаршруты. Марк чуть наклонил голову, будто оценивая, насколько Алекс готов услышать не упрощённую версию, а настоящую. — Точно. Она не может измерить то, чего не видит. А не видит она многое. Например, сомнение. Усталость. Молчание, в котором рождается решение. Система умеет считать улыбки, шаги, клики. Но не умеет считать паузы. И потому считает их ошибкой. А старые кабели — это её вторая слепая зона. Она думает, что если маршрут не приносит данных, то он мёртв. А он просто не подключён к её отчётам. Он сделал шаг в сторону, приглашая Алекса пройти дальше по переулку, туда, где свет становился тусклее, а тени — гуще. — Пойдём, — сказал Марк. — Покажу тебе одно место. Там даже уведомления приходят с задержкой. Иногда не приходят вовсе. И там можно попробовать сделать выбор, который никто не подсказывал. А заодно посмотришь, как выглядит ток, который система давно списала со счетов. Алекс пошёл следом. Он не знал, что ждёт его за следующим поворотом, но впервые за долгое время чувствовал, что идёт не по маршруту, который система посчитала оптимальным, а по пути, который выбрал сам. И этот путь, кажется, вёл не только к тишине, но и к ответу на вопрос, который он даже не успел сформулировать: кто и зачем решил, что одни районы достойны света, а другие могут подождать.

Глава 4. Слепая зона

Переулок вывел их к старому техническому двору — за невысокой оградой темнели силуэты трансформаторных будок, ржавые щиты с полустёртыми предупреждениями и путаница кабелей, свисавших с покосившихся опор. Здесь не было ни аккуратных навигационных стрелок, ни камер на углах — только тусклый фонарь

над воротами, который мигал, будто сомневался, стоит ли вообще гореть. Алекс заметил, что на одной из будок мелом была нарисована та же перечёркнутая молния, что и на киоске. — Вот она, — сказал Марк, кивнув на двор. — Самая настоящая слепая зона. Тут датчики теряют сигнал, камеры видят помехи, а уведомления... ну, они тут как будто забывают, куда идти. И энергия сюда приходит по старым кабелям, которые система не считает. Для неё это просто шум. Для нас — запасной вариант. Алекс остановился у ограды, вглядываясь в полумрак. В груди поднималось странное чувство — не страх, а будто он шагнул за невидимую границу, где правила города переставали действовать. — А система знает про это место? — тихо спросил он. Марк хмыкнул. — Знает. Но для неё это «неэффективная территория». Слишком мало данных, слишком мало взаимодействий. Зачем тратить ресурсы на то, что не приносит метрик? Для системы тут пусто. Для нас — как раз наоборот: тут можно дышать. И ещё — тут можно увидеть, как выглядит энергия, которую она не считает. Он толкнул калитку — она скрипнула и поддалась. — Пойдём. Покажу одну штуку. Они прошли мимо будок к дальнему углу двора, где стоял старый металлический ящик — потемневший, с облупившейся краской и замком, который давно не закрывали. Марк постучал по нему ладонью, и внутри что-то глухо отозвалось. — Это узел связи старой сети. До того, как «Судья» стал главным арбитром реальности. Тут ещё остались аналоговые цепи — те, что не передают данные в облако, а просто гоняют ток по проводам. Иногда, если повезёт, можно поймать обрывки старых трансляций — то, что система уже удалила из общего доступа. И заодно проверить, куда идёт энергия, которую она списала. Алекс коснулся холодной поверхности ящика. Металл был шершавым, будто помнил десятки рук до него. — И что там бывает? — спросил он. — Разное. Фрагменты новостей, которые не прошли модерацию. Записи с камер из районов, где сейчас вообще нет съёмки. Иногда — просто белый шум. Но сам факт, что он есть, уже важен. Это доказательство, что мир больше, чем та картинка, которую нам показывают. А ещё — старые схемы распределения тока. Те самые, где не было никаких индексов. Где свет давали по потребности, а не по рейтингу. Марк достал из кармана небольшой прибор — не гладкий современный гаджет, а что-то собранное вручную: корпус из пластика и металла, провода, экранчик, который светился тускло, но уверенно. — Держи, — он протянул прибор Алексу. — Это сканер. Он не подключается к городской сети, работает автономно. Если пройтись с ним по таким местам, он подсвечивает «следы» — где система активно собирает данные, а где делает вид, что ничего не происходит. И ещё он показывает, где проходят живые кабели, которые система считает мёртвыми. Алекс взял сканер. Тот оказался неожиданно тяжёлым, будто весил не только металл и платы, а ещё и смысл, который в него вложили. Экранчик мигнул, и на нём появилась простая схема двора — и поверх неё тонкие линии, похожие на паутину. В одних местах линии горели ярко, в других — меркли, а кое-где и вовсе исчезали. Отдельно, пунктиром, тянулись другие линии — те, что не пересекались с паутиной. Алекс понял: это и есть старые кабели. — Видишь? — Марк указал на тёмные участки. — Тут система почти не смотрит. А вот здесь, — он ткнул пальцем в яркую вспышку у самой ограды, — стоит скрытый датчик. Он притворяется частью инфраструктуры, но на самом деле собирает профиль прохожих. А пунктир — это то, что она не видит. Ток по этим линиям идёт, но в отчётах его нет. Так что если однажды она решит, что твой район не заслуживает энергии, у тебя останется вот это. Алекс всмотрелся в схему. Впервые он видел город не как фасады и улицы, а как сеть невидимых потоков — данных, внимания, контроля. И под этой сетью — другую, старую, forgotten, но всё ещё живую. — Зачем ты мне это показываешь? — спросил он, не отрывая взгляда от экрана. Марк помолчал, будто подбирая слова, которые не прозвучат как проповедь. — Потому что кто-то должен помнить, как выглядит реальность без фильтров. И потому что одному тут тяжело. Если система решит, что ты «отклоняешься», она начнёт давить сильнее. Сначала уведомлениями, потом куратором, потом отключениями. А вдвоём... вдвоём проще замечать, где тебя мягко подталкивают, и не идти туда. И ещё — вместе проще

держат свет, когда его попытаются выключить. Где-то за оградой проехала машина — её фары на секунду осветили двор, высветив пыль в воздухе и тени от кабелей. Сканер в руке Алекса тихо пискнул, отмечая всплеск сигнала. — Она нас видит? — спросил Алекс, кивнув в сторону улицы. — Видит, но не понимает, — спокойно ответил Марк. — Для неё ты сейчас — просто точка на периферии. Шум. Помеха. Она не ждёт, что ты будешь смотреть в ответ. И уж точно не ждёт, что ты найдёшь её старые кабели. Алекс сжал сканер чуть крепче. — А если я начну смотреть? — спросил он. — Если я буду замечать эти следы везде? Марк чуть улыбнулся — не радостно, а так, будто знал, что этот вопрос когда-нибудь прозвучит. — Тогда ты перестанешь быть удобным. Для системы — точно. Но зато станешь настоящим. А это, знаешь ли, дорогого стоит. — Он кивнул на экранчик. — Попробуй пройти по двору. Держи сканер перед собой. Смотри, где линии тускнеют. Это и есть твои островки тишины. И твои запасные пути. Алекс сделал первый шаг. Сканер тихо щёлкал, отмечая каждый сдвиг сигнала. И с каждым шагом город становился чуть менее идеальным, чуть более настоящим — и оттого не страшным, а живым.

Глава 5. Цена тишины

Сканер в руке Алекса тихо щёлкал, отмечая каждый сдвиг сигнала. В одном месте линии на экране почти исчезали — будто город сам стирал себя с карты. Алекс остановился, вглядываясь в глухую стену трансформаторной будки, где даже тени казались гуще обычного. На кирпиче, чуть выше уровня глаз, была нацарапана всё та же перечёркнутая молния, а под ней — три коротких штриха. Марк подошёл и провёл пальцем по штрихам. — Это метка наших. Три штриха — значит, вход рабочий, но осторожно. — Он указал на едва заметную трещину в кладке. — Тут старый люк. Ведёт в технические тоннели. Они не подключены к основной сети «Судьи». Там нет камер, нет датчиков движения, нет даже базовых маяков. Для системы это пустота. А для нас — ещё и старые кабели, по которым можно пустить ток, если придётся. Алекс покосился на люк. Ржавые петли, тяжёлый обод, замок с облупившейся краской. — И люди туда ходят? — спросил он. Марк кивнул. — Ходят. Не все, конечно. Кому-то спокойнее жить по подсказкам. А кто-то... кому-то нужно знать, что есть место, где тебя не измеряют. И где свет не зависит от того, сколько раз ты улыбнулся. — Он потянул за кольцо, и люк со скрипом приоткрылся, обнажив тёмный провал и крутые металлические ступени, уходившие вниз. — Пойдём? — Марк не приказывал, не уговаривал — просто предлагал. Как будто давал право выбрать. Алекс сделал вдох. Внизу пахло сыростью, старым бетоном и чем-то ещё — тишиной, которую не подделывали алгоритмы. Он шагнул на первую ступеньку. Металл отозвался глухим звуком, который не улетал вверх, а оседал где-то внизу, тяжёлый и настоящий. Спустившись, они оказались в низком коридоре. Стены были покрыты слоем пыли, на полу лежали куски изоляции и старые кабели, скрученные в клубки, как мёртвые змеи. Свет давали только два тусклых фонаря — не умных, не регулируемых, просто лампы, которые горели, пока в них была нить. Марк шёл впереди, уверенно, будто знал каждый поворот. — Тут время течёт иначе, — тихо сказал он, не оборачиваясь. — Не по уведомлениям, не по рейтингам. Тут ты сам решаешь, сколько минут потратить на мысль. Алекс провёл ладонью по стене. Кирпич был шершавым, холодным, не похожим на гладкие панели городских фасадов. Он достал из кармана старую записную книжку и на чистой странице вывел: «Тишина — это не отсутствие звука. Это присутствие выбора». Где-то в глубине тоннеля раздался глухой стук — будто кто-то постучал по трубе. Марк не вздрогнул. Он просто прислушался, потом кивнул в сторону поворота. — Там ещё один узел. Старый распределительный щит. Иногда на нём можно увидеть то, что система старается не показывать: обрывки логов, старые маршруты, данные, которые должны были исчезнуть. И заодно — сколько энергии проходит мимо её счётчиков. Они пошли дальше. Коридор сужался, потолок опускался, и шаги звучали всё глуше, будто город наверху постепенно забывал об их существовании. У щита Марк остановился, провёл рукой по потёртой панели. На маленьком аналоговом дисплее бежали цифры — не красивые, не подсвеченные, просто чёрные на сером. — Видишь эти значения? — Марк постучал пальцем по стеклу. — Это не прогноз настроения.

Это ток, напряжение, температура. Простые физические величины. Их нельзя «подкрутить» ради рейтинга. Они либо есть, либо нет. И вот эта строчка, — он указал на нижнюю строку, — показывает, сколько энергии идёт по старым кабелям. Система её не учитывает. Для неё это потери. Для нас — резерв. Алекс всмотрелся в цифры. Они не обещали счастья, не предлагали решений, не требовали реакции. Они просто были. — Это успокаивает, — неожиданно для себя произнёс он. Марк чуть улыбнулся. — Да. Потому что тут нет давления быть «правильным». Тут достаточно быть настоящим. — Он помолчал, потом добавил тише: — И ещё потому, что эти цифры — доказательство. Если однажды твой район отключат «по плану», ты сможешь показать, что ток был. Просто шёл мимо счётчика. Внезапно дисплей моргнул, и на нём появилась короткая строка, не похожая на обычные параметры: «Архив 7. Доступ ограничен. Уровень 3. Оператор: К-14». Марк замер, потом быстро огляделся, будто проверяя, не пришёл ли кто-то следом. — Архив... — прошептал Алекс. — Старый блок данных, — так же тихо ответил Марк. — Те самые записи, которые система должна была стереть. Но старые сети иногда хранят то, что новые хотят забыть. И судя по метке, к нему уже кто-то обращался. Оператор К-14. Я слышал это имя. Говорят, он из старых инженеров, которые считают, что мягкие методы — это ошибка. Что отключать надо раньше и жёстче. Он потянулся к панели, но не нажал кнопку. Вместо этого посмотрел на Алекса. — Я могу открыть. Но ты должен понимать: если система заметит запрос к архиву, она начнёт искать источник. Это уже не просто «тихая прогулка». Это след, который она захочет стереть. И если К-14 действительно тот, о ком я думаю, он тоже захочет знать, кто полез в его старые записи. Алекс сжал в пальцах записную книжку. Он знал, что стоит на пороге: ещё шаг — и он перестанет быть просто человеком, который устал от подсказок. Он станет тем, кто ищет неудобные ответы. И, возможно, тем, за кем начнут охоту. — Открой, — тихо, но твёрдо сказал он. — Я хочу видеть, что они прячут. И заодно понять, почему этот К-14 так хочет отключать районы. Марк кивнул, будто ждал именно этих слов. Его пальцы легли на панель, и старый механизм щёлкнул, отзываясь на прикосновение. На дисплее появилась новая строка: «Подтвердите уровень доступа». Марк ввёл короткий код, который, казалось, знал наизусть. Экран потемнел, потом вспыхнул, и вместо цифр появилась простая надпись: «Архив 7. Загружается». Алекс задержал дыхание. Он не знал, что увидит — старые отчёты, чьи-то голоса, забытые карты города. Но он знал одно: с этой секунды его путь уже нельзя было назвать случайным. Он выбрал знать. Даже если знание будет стоить ему баллов, рейтинга, привычного спокойствия. И даже если где-то наверху, в городе, который считал каждую улыбку, уже щёлкнуло реле — и система наконец заметила, что одна из её точек исчезла с радара. Глава 6. Архив 7. Экран мерцал, будто сопротивлялся самой идее показать что-то скрытое. Строка «Архив 7. Загружается» сменилась сеткой символов — не привычными интерфейсными подсказками, а чем-то старым, угловатым, будто текст пробивался сквозь помехи. Марк не отводил взгляда от панели, пальцы его замерли над кнопками, словно он прислушивался к самому механизму. — Тут всё держится на честном слове, — тихо сказал он. — Старые цепи, старые протоколы. Если система поймёт, что мы копаемся в этом, она может обрубить питание. Или прислать техников. Или сделать вид, что этого места вообще нет. Алекс крепче сжал записную книжку. Ему вдруг стало важно, чтобы хоть что-то осталось на бумаге — не в облаке, не в рейтинге, а вот так, по-человечески. Он быстро вывел: «Система не стирает прошлое. Она просто прячет его за новыми экранами». На дисплее появилась первая строка данных: «Протокол Улыбка»: пилотная версия. Цель: стабилизация социального напряжения через нормализацию эмоциональных реакций». Дальше шли цифры — коэффициенты, пороги, формулы, которые превращали улыбку в математику. Алекс всмотрелся в слова. Раньше он думал, что система просто «помогает» быть счастливее. Теперь он видел: она сначала определяла, какой должна быть «правильная» эмоция, а потом подгоняла под неё реальность. И рядом, в том же документе, шла вторая таблица — распределение ресурсов. Индекс определял не только доступ

к кафе, но и очередность подключения к энергии. Чем ниже рейтинг — тем позже твой район получает ток. Тем чаще его отключают «в целях оптимизации». Марк ткнул пальцем чуть ниже. — Видишь этот блок? «Корректировка поведения при отклонении более 12 %». Это значит, что если ты в течение дня слишком часто не выбираешь предложенные эмоции, система начинает... мягко давить. Рекомендации, уведомления, даже маршруты строят так, чтобы ты снова «вписался». А если не вписываешься — снижают индекс. А снижение индекса — это уже не только баллы. Это свет. Тепло. Лифты. Всё, что зависит от очереди. Алекс почувствовал, как внутри поднимается холодная волна понимания. Все эти «полезные советы», все «заботливые» напоминания были не про заботу. Они были про контроль. И не только над поведением — над тем, кому достанется энергия. Ещё одна строка всплыла на экране, и Марк резко втянул воздух: «Уровень вмешательства: кураторское сопровождение. Активация при падении индекса ниже 80 или при трёх и более отказах от рекомендаций в сутки». — Это про меня, — тихо произнёс Алекс. — У меня уже минус одна сотая. Если я продолжу... Марк не стал кивать или качать головой. Он просто посмотрел на Алекса так, будто видел не индекс 85, а человека, который стоит на развилке. — Да. Если ты продолжишь не выбирать, не улыбаться ради баллов, не идти по «оптимальному» маршруту — система решит, что ты нуждаешься в «поддержке». Куратор будет звонить, писать, предлагать «индивидуальные решения». И каждый отказ будет стоить тебе ещё немного индекса. А вместе с ним — и места в очереди на энергию. Это не наказание. Это... перенастройка. Алекс сжал кулаки, потом заставил себя разжать. Он не хотел, чтобы система видела даже эту злость — как ещё одну метрику. — Значит, они заранее всё продумали, — прошептал он. — Даже то, как заставить меня снова стать удобным. И даже то, как отключить мой район, если я не стану. Марк чуть наклонил голову. — Они продумали удобные пути. Но не подумали, что кто-то захочет идти не по ним. И не подумали, что кто-то найдёт старые кабели. Он потянулся к панели и быстро прокрутил экран. Пошли другие данные — не про эмоции, а про инфраструктуру: карты подземных тоннелей, списки отключённых датчиков, пометки о «неэффективных зонах». И среди них — короткая фраза, выделенная жирным: «Тишина как аномалия. Требуется мониторинг». А чуть ниже — подпись: «Оператор К-14. Рекомендация: ужесточить протокол отключения при отклонении индекса ниже 70. Сектор 9Д — пилотная зона». Алекс замер. — То есть... тишина для них — это ошибка? И этот К-14 хочет, чтобы отключали быстрее? — Ошибка, которую надо исправить, — кивнул Марк. — Потому что тишина не даёт данных. А без данных система не может управлять. Для неё тишина — это угроза. А К-14, судя по всему, считает, что лучше отключить район заранее, чем ждать, пока он сам начнёт сбоить. Он не злодей. Он просто верит в жёсткую руку. И, возможно, у него есть поддержка наверху. Где-то наверху, в городе, тихо щёлкнуло реле — звук, который здесь, внизу, казался почти чужим. Сканер в кармане Алекса слабо пискнул, будто отметил всплеск сигнала. — Нас видят? — спросил Алекс, не отрывая взгляда от экрана. — Частично, — ответил Марк. — Тут помехи, слепые зоны. Система знает, что кто-то есть в районе, но не видит деталей. Пока не видит. Но если мы задержимся... — Он не договорил. Ему и не нужно было. Алекс и сам понимал: каждая лишняя секунда здесь — это риск. Но и каждая прочитанная строка — это знание, которое нельзя стереть. Алекс быстро переписал в книжку ещё одну фразу: «Тишина — не аномалия. Тишина — свобода. И свет не должен зависеть от улыбки». Марк снова коснулся панели, и экран потемнел, потом вспыхнул новой строкой: «Обнаружено несанкционированное обращение к Архиву 7. Протокол безопасности активирован». Алекс почувствовал, как по спине пробежал холодок. — Что это значит? — спросил он, хотя уже догадывался. — Это значит, что система поняла: кто-то лезет туда, куда не должен. И теперь она будет искать источник. И, возможно, уже сообщила тому, кто этот архив создавал. — Марк быстро нажал несколько кнопок, и панель погасла. В тоннеле стало темнее, и даже тусклые лампы будто стали гореть чуть слабее, словно город наверху начал экономить на тех, кто стал неудобным. — Надо уходить, — сказал он, уже двигаясь к выходу.

— Не бегом, спокойно. Как будто мы просто рабочие, проверяющие кабели. Никаких резких движений, никаких попыток спрятаться. Чем естественнее мы будем выглядеть, тем дольше система не станет нас замечать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.